

«серым волком» Гобебский переводит «*straszny wilkiem*», т. е. «страшным, ужасным волком». Это объясняется только графическим и фонетическим подобием слова «*gauen*» со словом «*grausamen*» («серый» и «страшный»). Если бы Гобебский переводил с русского языка, то он не стал бы менять эпитет «серый» на «страшный», «ужасный». Так, например, в лучшем польском переводе Ю. Тувима перевод звучит «*szarym wilkiem*». Итак, здесь сказалось невнимательное прочтение немецкого текста Ц. Гобебским. Такая же ошибка произошла и с переводом слов «а Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду». Совершенно неожиданно Гобебский перевел так: «*Jgor dopada do łodzi...*», т. е. «Игорь примчался к лодке...». Эта ошибка может быть объяснена только неудачным прочтением слова «*Schilfe*» — «тростник» как «*Schiffe*» — «лодка»: «*Jgor eilt wie ein wiesel zum Schilfe...*». Так как речь идет о реке, то Гобебский и не заметил своей ошибки. Однако, если бы во время перевода у него был какой-либо другой источник, например русское издание «Слова», то он ни в коем случае не мог бы слова «к тростию» (или «к тростнику») перевести как «до лодки».

Итак, пожалуй, больше не требуется доказательств, что источником перевода Гобебского был немецкий перевод Рихтера. Однако думается, что будет не лишним сопоставить написание имен собственных, а также имен с указанием городов, т. е. довершить анализ, проведенный Обрембской-Яблонской.

У Рихтера

Jgor Sweatoslawitsch, Wsewolod von Trubschew, Swaetoslaw Olgowitsch von Rülk, Wladimir von Putjwl.

У Гобебского

Jgor Swetoslawowicz, Wsewoloda z Trubszewa, Swetoslaw Olgowicza z Rylska, Włodzimierz z Putywl.

Если бы Гобебский в своем переводе опирался на русский источник, то он писал бы «*Jgor Swiatoslawowicz*», «*Wsiewoloda Trubczewskiego*», а уж во всяком случае не стал бы пользоваться предлогом «*z*» — нем. «*von*», который явился только следствием стремления Гобебского к точности перевода.

Нужно еще сказать, что ни Б. Выдра, ни М. Кридль, утверждающие, что Гобебский пользовался русским источником, не приводят никаких доказательств. Так, например, Б. Выдра считает, что сомнения Гобебского в достоверности памятника явились результатом споров в среде русских ученых того времени. Однако как раз до 1806 г., и, пожалуй, до момента гибели памятника, таких споров в русской печати не было. Так, например, Рихтер, живший тогда в Москве и интересовавшийся всем, что касалось «Слова», совершенно об этом не упоминает. Наоборот, утверждение Выдры скорее доказывает обращение Гобебского к статье Рихтера, помещенной в журнале «*Nordisches Archiv*» (Riga—Leipzig, 1803, ч. 1, Januar, Februar, März). На стр. 161 во вступлении к переводу отрывка «Слова о полку Игореве» Рихтер писал, что Шлёцер сомневался в подлинности «Слова», но уже признал его. Сомнения относительно «Слова» печатно высказывал единственно геттингенский ученый Шлёцер, и Гобебский об этом, повидимому, узнал из статьи Рихтера в «*Nordisches Archiv*». Не исключено также, что Гобебский узнал мнение Шлёцера в устной передаче, возможно даже из нескольких различных источников. Отсюда и элементы колебания в его суждениях о «Слове». Во всяком случае для нас вполне ясно, что источником перевода Гобебского был перевод Рихтера.